

© 2004 г.

И. Е. КОЗНОВА

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

КОЗНОВА Ирина Евгеньевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Изменение аграрного строя России в последние полтора десятилетия вызывает потребность изучения стратегий сельского населения, в формировании которых важное место принадлежит исторической памяти. Попытки осмысления места и роли памяти в аграрных реформах уже предпринимаются в научных работах. В предлагаемой

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 02-03-18288а).

статье рассматривается, как память сельских жителей выражает себя в условиях современных аграрных преобразований, интерпретирует прошлое с позиций коллективного и индивидуального опыта, повседневных низовых практик, взаимодействует с официальным дискурсом.

Память - это воспроизведение прошлого, символическое представление о нем, возникающее в контексте социальных действий. Оно исходит из настоящего и предопределяет будущее.

Эмпирические основы анализа проблемы памяти являются историко-социологические данные, среди которых материалы архива российско-британского исследования "Социальная структура российского села" (1990-1994 г.), проведенного под руководством Т. Шанина в 22 селах восьми регионов России (140 семейных историй), а также проекта "Реальная экономика российского села" (1995-1996, 1999-2001); материалы исследований Социологического центра РАГС (2000-2003); письма в Госдуму (1998-1999), другие источники.

Приоритеты исторической памяти в условиях рыночных преобразований

Тема исторической памяти актуализировалась "перестройкой", став предметом общественных и научных дискуссий. В двойном движении "обретения - преодоления прошлого" на первый план вышли цели "обновления советского опыта", "возвращения к истокам" (революция, НЭП) и "снятия запретов на прошлое" (коллективизация, репрессии).

Однако приоритеты сменились довольно быстро. К началу 1990-х гг. оказалась "исчерпанной" с точки зрения исторической памяти особенно активно используемая в годы "перестройки" актуальная в контексте поисков путей решения аграрного вопроса тема новой экономической политики (НЭП). Представлялось, что недостаточно либеральная нэповская модель мало отвечала задачам преобразований, связанных с активизацией частного предпринимательского начала хозяйственной деятельности на селе. Приступая к углублению рыночных реформ, новая власть постсоветской России поддержала возникший в годы "перестройки" интерес к столыпинской аграрной реформе. Это была апелляция к такому историческому прошлому, в котором на первом плане находились реформаторская инициатива "верхов" (ее символом был П. Столыпин) и индивидуальное крепкое крестьянское хозяйство.

Само по себе обращение исторической памяти к дореволюционному прошлому несло мощный позитивный импульс, поскольку реабилитировало в нем то, что в советское время незаслуженно замалчивалось или искажалось. Реальная политика в аграрной сфере была направлена на преодоление советского наследия и представляла собой разрушение колхозно-совхозного строя. Расчет был на то, что "взбудораженная" "перестройкой" память о "насильственной коллективизации" и критическое восприятие колхозно-совхозной системы в условиях продовольственного кризиса станут основой деколлективизации и приватизации земли, имущества колхозов и совхозов. Фактически, исторический период, связанный с советской, колхозно-совхозной системой хозяйствования, предстал в качестве *non grata*. Однако подобная бинарность памяти-забвения присуща культуре и может рассматриваться в контексте циклов функционирования памяти [1].

Если рассматривать память как предыдущее, как культурный капитал, с которым деревня подошла к моменту преобразований, то следует отметить, что в ней преобладал крестьянский традиционалистский пласт. Нельзя сказать, что опыт хозяйствования в условиях рынка совершенно "ушел" из народной памяти. Как показали социологические исследования начала 1990-х гг., семейные истории хранили память о рыночных интересах крестьянского двора, прежде всего в годы НЭПа. И все же в подавляющем большинстве сельский социум (в первую очередь его активная трудо-

вая часть) имел весьма приблизительные, нередко идеализированные, почерпнутые прежде всего из учебников и средств массовой информации представления о сущности и последствиях рыночного хозяйствования. В целом сельское население было предрасположено к постепенному, регулируемому государством переходу к рыночной экономике [2].

Ресурс памяти, на который опиралась власть в своей программе преобразований, был близок лишь небольшой части сельского населения. Если вести речь о позитивном отношении к частной собственности на землю, можно говорить о "реванше" памяти бывших крестьян. В литературе, посвященной фермерскому движению, специально заострялось внимание, что абсолютное большинство его активистов - потомки репрессированных советской властью людей (ныне как горожан, так и селян). Надо иметь в виду, что в силу известных обстоятельств именно в деревне потомков крепких, зажиточных крестьян осталось немного (особенно это относится к европейской части России). Память о раскулаченном дедовском хозяйстве, семейные предания не только поддерживали обиду, но и призывали не упустить исторический шанс [3]. Подобная память стимулировала и тех руководителей хозяйств, специалистов и активных рядовых работников, кто решился на неформальную реорганизацию. Так, во время экспедиции в одно из сел Саратовской области социологами был зафиксирован любопытный факт: оказалось, что большинство голосовавших за "смену вывески" колхоза в пользу акционерного общества были потомками зажиточных крестьян, а большинство сторонников колхозного строя - потомками сельской бедноты. Воспоминания о "крепких хозяйствах предков" передавались в семьях колхозников и, очевидно, в позитивном ключе. Как отмечается, это скорее всего и сработало на подсознательном уровне у участников собрания при высокой неопределенности выбора перехода на непривычные формы хозяйствования. При этом для тех руководителей, кто связывал с реформированием колхозов и совхозов позитивные изменения в деревне, память о собственных былых столкновениях с административной системой стала в этой логике поведения основной. В этом смысле траектория жизни, биографический капитал служат основой интеграции в общество с новыми правилами [4].

Однако почти две трети сельского населения отнеслись отрицательно к реформированию аграрного сектора. Преобразования предполагали разрушение сложившейся за годы советской власти системы отношений, хозяйствования, а главное - ориентировали на появление другого, отличного от сформировавшегося в течение нескольких десятилетий типа работника на земле. На уровне реальной практики логика памяти "вписалась" в традиции противостояния власти и деревенского сообщества. Социальная игра по принципу "вызов-ответ" не претерпела существенных изменений на протяжении века.

Давление на крестьянство ("мягкий" вариант насилия) стало на первых порах проведения реформы "повивальной бабкой" преобразований, явившись также одной из причин неприятия реформ. "Низы" повели себя во многом типично, ответив симуляцией реформирования, в основе которой лежало неверие в благоприятный для деревни замысел власти, усилив в деревне привычную оппозицию "мы-они". Поэтому "смена вывески", разделение "на бумаге" оказались наиболее распространенной формой поведения. При этом "низы" были не менее прагматичны, чем "верхи" местного и центрального уровня, и по-своему, по-мужички ответили на деколлективизацию и приватизацию: "прихватизацией" и "конвертированием" общественной собственности в собственность двора.

В деревне гораздо быстрее, чем в городе, ощутили ухудшение условий своего существования, разрушение образа жизни и вертикальных сетей социальной поддержки, что определило неприятие инициированных "сверху" процессов. В бытийном смысле преобразования породили ситуацию одновременной лишенности настоящего, будущего и прошлого. "Нас 70 лет учили, что только так, а не иначе, что частное - это плохо" - суждение одного из сельчан может служить квинтэссенцией восприятия того, что предлагалось реформаторами, и свидетельством противостояния историче-

ской памяти. Ухудшение отношений между людьми и отсутствие уверенности в завтрашнем дне - вот две самых ярких и наиболее характерные оценки ситуации, сохраняющиеся вплоть до последнего времени [5].

Доминирующую роль на первых порах приобрела тактика выживания. Семейные истории, собираемые в разных регионах России, подтверждают постоянство памяти в отношении того, что названо "корпоративными секретами крестьянства" и относится к выживанию, хранению и передаче крестьянских навыков и опыта [6]. У деревенских жителей присутствовало стремление к сохранению своих позиций в жизни вместе со своим окружением в прежних формах. Так, раздел крупных коллективных хозяйств шел чаще всего до определенного предела, до мелких коллективов, предшествовавших административному укрупнению в 1940-х-начале 1960-х годов (фактически - границ прежних общин).

Как реакция на "разрыв времен" наблюдалось тяготение к прошлому, которое представлялось определенным и понятным по сравнению с настоящим и тем более неясным будущим. Социологические опросы фиксируют нарастание на протяжении 1990-х гг. "ностальгии по прошлому, по прежним временам" [7]. Подчеркивается, что такие черты, как "приверженность прошлым идеалам, ностальгия по прошлому" и "верность исторической памяти", особенно ярко характеризуют современный сельский образ жизни. И если "скромность в запросах и потребностях", "привязанность к работе на земле" рассматриваются во многом как традиционные для российской деревни черты, то названные выше представляются исследователям новыми [8]. Эти черты в целом присущи российской деревне, хотя некогда М. Горький заявлял об отсутствии у русского крестьянства глубиной и основательной исторической памяти [9]. Пожалуй, за исключением такой, как "ностальгия"; и здесь можно согласиться с исследователями относительно ее новизны для мироощущения деревни. Ностальгия скорее "городская болезнь", свойство рефлексующего сознания.

Память как таковая важна для сохранения преемственности поколений. В силу этого усиливается ее организованный и избирательный характер: один из принципиальных вопросов функционирования памяти - что будет воспринято вступающим поколением из прошлого, каковы пределы этого восприятия [10].

Показательны результаты мониторинга, проводимого Социологическим центром РАГС в 24 субъектах РФ. Данные по селу свидетельствуют о нарушении связи между поколениями, об изменении способов и механизмов трансляции памяти. Так, при ответе на вопрос "Из каких источников Вы получили знания об истории России?", в 2001 г. жители сел и поселков городского типа распределили ответы следующим образом: учебники (64,8% ответивших); кинофильмы (60,3%); телепередачи (49,4%); журналы и газеты (41,1%); рассказы людей старшего поколения (31,3%); музеи и экскурсии (23,3%). Эти данные во многом совпадают с данными по столичным, областным и средним городам. Правда, у горожан выше показатели полученных в музеях и на экскурсиях знаний. Такой ответ, как "семейные архивы", дают: село - 3,5%, средний город - 4,0; столичный и областной - 7,2% ответов. В 2003 г. принцип распределения ответов сохраняется прежний (при этом данные по селу и деревне выделены в отдельную рубрику), но по каждому источнику информации показатель становится несколько выше. Причем, и в 2001, и 2003 г. село по сравнению с городами разного статуса имеет средние показатели по такому источнику получения информации о прошлом, как "рассказы людей старшего поколения" (33,6%), однако они ниже, чем в целом по России (35,1%). Зато по таким источникам, как кинофильмы и телепередачи, село "опережает" Россию в целом.

Села и деревни оказываются "позади" городов по такому параметру, как глубина семейной памяти. При ответе в 2003 г. на вопрос "Знаете ли Вы имя и отчество Ваших дедов и прадедов?" имя и отчество дедов знают 86,4% ответивших (по России - 88,6%), прадедов - соответственно 37,1% и 40,9%. Что касается реликвий, хранящихся в деревенских семьях, то это прежде всего фотографии (70,7% ответивших), ордена, медали, почетные грамоты (46,1%). В целом село естественно "отстает" от города,

когда речь идет о технических и письменных способах трансляции памяти (старинные книги, письма и дневники). Не смогли сохраниться предметы домашней утвари прошлых времен и старинные вышивки, прежде всего в местах, где проходили военные действия, или находившихся в оккупации. Пожалуй, только на севере России они, как правило, составляют предмет гордости не одного поколения деревенских жителей. Наконец, ответ "ничего из прошлых времен не сохранилось" дает следующие результаты: по селу - 23%; по России в целом - 18,1% [11]. Если учесть, что образовательный уровень сельского населения в целом ниже, то полученные с учетом этого показателя результаты позволяют говорить о еще меньшей сохранности различных реликвий в деревне. Сельским жителям в целом более присущ практический подход к хранению вещно-материального наследия прошлого.

Проявлением "разрыва памяти", "разрыва преемственности" является нежелание родителей, чтобы их дети работали в сельском хозяйстве, стремление к получению ими высшего образования и переезду в город как месту постоянного жительства и работы. Эта тенденция поддерживает "консервацию" тупиковых сценариев развития села и его кадрового потенциала [12].

Какой памяти отдает предпочтение сельское сообщество

Заострение внимания на памяти может служить симптомом "исчезновения" самой памяти и ее носителей. Ведь традиционное крестьянское сообщество "не задумывалось" относительно того, насколько оно "верно" памяти предков, *оно естественно жило этой памятью* и продолжало себя в потомках. При этом крестьянская культура - прежде всего "устная" культура. В эпоху массовизации эрозия затронула и коллективную память крестьянства (свидетельством этого служит дискуссия, является ли современный сельский производитель крестьянином). Главное, разумеется, касается самого образа жизни, его возобновления и продолжения. Существуют объективные обстоятельства, связанные с модернизацией села и раскрестьяниванием, характерные не только для России. В такой ситуации крестьянский мир стоит уже перед необходимостью целенаправленного культивирования памяти для своего сохранения.

Ситуация последнего десятилетия изменила ракурс восприятия прошлого, в котором также были свои обретения и потери. На уровне официальной презентации произошло сначала расширение временного поля памяти за счет включения в него периода модернизационного развития страны последних трех столетий, а затем и реабилитация советской эпохи. Политические силы, ассоциирующие себя с крестьянством и его интересами, также на протяжении этого времени использовали прошлое для усиления своего влияния в деревне и как аргумент в общественных дискуссиях.

Годы реформы "отточили" и скорректировали оценки сельчанами прошлого в их универсальном и событийном ключе. К параметрам, на основании которых можно понять глубину и силу памяти, относятся: осознание сельскими жителями своей крестьянской идентичности; стремление, чтобы их дело было продолжено детьми; ощущение духовной связи с предками и потребность переосмыслить их опыт; ощущение соседства, особой социальной общности [13].

Прежде всего, хозяйствующему на земле человеку всегда были присущи представления о его социальной роли, символическом статусе кормильца, а следовательно - об определенном месте крестьянства в общественной иерархии. С началом реформ у основной части сельских производителей сформировалась "негативная идентичность", связанная с потерей этого статуса. В то же время можно говорить о том, что исторически крестьянство ощущало двойственность своего положения: высокое предназначение и униженное положение. Она осознавалась крестьянством прежде, выражаясь в адресованных властям разного ранга документах коллективного характера, и является ныне мощным наследием памяти. С утверждениями "в городе бастуют, а крестьянин не может - он кормит" соседствуют другие: "очень обидно за сель-

ских тружеников, что они горбятся, кормят всю страну, но были и остаются, грубо говоря, быдлом".

К числу общих основных доминант крестьянской памяти относятся земля, семья, хозяйство, общность, власть. Крестьянская память обладает таким важным свойством, как синкретизм, нерасчлененность, которое отражает пограничность крестьянского бытия (жизнь на границе природного и социального). Одни стороны деревенской жизни вбирают в себя, подразумевают другие. Что стоит на первом месте памяти - хозяйство или общность? В силу того, что крестьянская память обладает другими качествами - многослойностью, неисчерпаемостью и цикличностью, трудно одно отделить от другого [14].

Социологические исследования фиксируют существование мощного пласта памяти о единоличном крестьянском хозяйстве. Для крестьян, родившихся в начале XX века, память о времени "единоличества" стала основной. К началу 1990-х это немногочисленное поколение практически ушло из жизни. Но его "след" сохраняется, поскольку память о крестьянском хозяйстве оказалась существенной и для следующего поколения, родившегося в 1920-1930-е годы. Для этих поколений единоличная жизнь выступает синонимом крестьянствования ("крестьянин независим ни от кого и ни от чего - только от природы и погоды", "сам себе хозяин", "за все ответственен", "все свое") и служит во многом эталоном хозяйствования на земле. Память о хозяйстве выходит за пределы непосредственно живой памяти. Она свойственна не только его очевидцам, но и более молодым поколениям; несет в себе положительный импульс, хотя содержит элементы идеализации.

Отмечаемое повсеместно возрождение крестьянского уклада, генетически восходящего к единоличному хозяйству, можно рассматривать как позитивный результат реформирования сельского хозяйства в последнее десятилетие с точки зрения поддержания сельского образа жизни. Как отмечается в одном из исследований, сохранившаяся историческая память и мысль о том, что их родителям и дедам было по крайней мере не лучше, а в действительности очень часто и гораздо хуже, служит сегодня миллионам российских селян в тяжелом, нескончаемом повседневном труде огромным утешением [15]. Даже если они не помнят подробностей и деталей жизни предков, тем не менее сохранены как опыт и ориентир представления о том, какими должны быть крестьянская семья с ее домохозяйством и отношения этой семьи-хозяйства с другими в рамках деревенского сообщества. Память о последнем существенна и для нынешнего положения семьи. Отношения внутри сельского социума, в который включено и сельхозпредприятие, выстраиваются в определенную систему, где большую роль играет социальный капитал семьи - своего рода "психологический рубль" [16]. Причем, он определяет отношения различного уровня и разного характера, вплоть до криминальных: так, даже воровство в деревне разворачивается на основе ряда неписаных, но очень жестких правил, когда семейное хозяйство должно эти права как-то заслужить, оплатить лояльностью, родственными услугами и пр. [17].

Память сельских жителей фиксирует стремление их родителей, дедов и прадедов укрепиться в состоянии крепкого середняцкого хозяйства, подняться до состояния зажиточности - жить "не богато, а зажиточно". Можно говорить о жизненных парадоксах в связи с сохранностью генофонда зажиточных хозяйств, отмечаемом в социально-экономических исследованиях географов: колхозы, образованные спецпереселенцами, очень быстро становились лучшими в районах, и до сих пор дома и огороды, например, Коми-Пермяцкого округа (территория ссылок), принадлежащие потомкам осевших здесь кулаков, резко выделяются добротностью, аккуратностью, ухоженностью [18]. Отмечается также, что у абсолютного большинства современных самостоятельных сельских хозяев-фермеров предки были зажиточными крестьянами. Нарастание уровня зажиточности чувствуется по мере продвижения с севера на юг России и на восток. Опять-таки по мере удаления от севера России усиливается и память о богатстве и зажиточности. И все же приоритет отдан "трудоустройству"

ности, тому, что крестьянами определяется в таких терминах, как "настырность на работу", "зажиться с мозолька".

Для памяти оказывается принципиальным микроклимат прежней сельской общности, которая привыкла работать "от зари до зари" и "все на себе, а не на машинах". Ее традиции больше сохранялись в раннеколхозное довоенное время и поддерживались, пока не произошло укрупнение хозяйств, сселение хуторов и деревень, реорганизация колхозов в совхозы. Коллективная память хранит представления об общинной социальности как квинтэссенция принципа справедливости, призванной обеспечить каждому члену сельского сообщества право на достойную жизнь.

Реформы актуализировали память об отношениях сельского мира и власти. Обращает на себя внимание соображение, что "жизнь крестьян всегда была трудной, крестьян всегда держали в черном теле, обирали и обирают, лишали самостоятельности". Для народной памяти характерно присутствие всего, что связано с раскулачиванием, давлением властей. Страх, боязнь, память о психологической боли, об издевательствах и унижениях - все это долгое время сохранялось и как модель поведения людей. В частности, до сих пор в деревне силен страх перед разного рода "уполномоченными", особенно памятными по годам "великого перелома". Но они приходили в деревню и до, и во время, и после коллективизации. Вообще появление "агентов власти" в деревне с целью изъятия прибавочного (зачастую необходимого) продукта - явление повсеместное и универсальное в аграрных и переходных обществах. Характерен эпизод, относящийся к началу 1990-х. Когда две старушки, жительницы с. Лох Саратовской области, зайдя с просьбой в сельсовет, увидели там одного из социологов с прикрепленным к поясу футляром для диктофона, то со словами: "Гляди, уполномоченный, вишь, кобура на ем. Уйдем от греха", - быстро покинули помещение. Подобное переплетение в социальной памяти различных пластов и смыслов свидетельствует, что ее проявление и действие как актуализации прошлого опыта может проявляться по-разному; на нее может опираться и хозяйствование на земле, и стремление по-прежнему с крестьянским трудом.

Ностальгия о прошлом как характерная черта памяти современного сельского социума

Жителей села интересует прошлое России. Главный ресурс крестьянской памяти с точки зрения исторического, событийного времени - примерно последние сто лет. В целом историческая память населения России являет собой комплекс устойчивых представлений, который в основной своей части сформировался главным образом в XX столетии. Это относится к образу власти, историческим событиям и историческим личностям. Что касается исторических личностей, то высоким рейтингом обладает Г. Жуков. Практически не затронул "струн" народной памяти П. Столыпин, хотя в Сибири, Поволжье, Черноземье в отдельных крестьянских семьях помнят имя этого реформатора и его аграрную политику (стольпинскую реформу).

Соглашаясь с мнением, что Великая Отечественная война, получив с начала 1970-х гг. статус центрального события советской истории и XX века в целом, "потеснила" в этом качестве Октябрьскую революцию, отметим, что для народа память о войне стала символическим замещением памяти о коллективизации. Память о войне по сути выполняла роль клапана, поскольку длительное время память о коллективизации была памятью репрессированной (разумеется, многочисленные "зоны умолчания" были характерны и для "парадной" памяти о войне).

В годы "перестройки" было сделано немало для преодоления травмы коллективизации (которая, возможно, была гиперболизирована на фоне умолчаний предшествующих лет о трагическом становлении колхозного строя). Постепенно к ней сформировалось философское отношение: "что было - не вернешь, живем сейчас". Проявлением этого является падение в последнее время интереса россиян (включая

жителей сел, представителей старшего поколения и молодежи) к советскому периоду 1920-1930-х годов [19]. Тем не менее коллективизация продолжает оставаться основным рубежом крестьянской истории XX в. А вот когда на деревню "обрушился рынок" и ситуация для нее в начале 1990-х оказалась особенно тяжелой, крестьянство, обратившись к дилемме "раньше-теперь", попыталось найти в "раньше" и аналогию "теперь", и противопоставление ему.

Каковы критерии поиска временного соответствия? Хозяйственное состояние деревни и психологическая атмосфера. Память выносит соответствующий вердикт: "Хуже нынешнего времени никогда не было - и жить тошно" и принимает характер духовной ностальгии.

Старшее поколение сельчан не принимает современность по сути. Для них "раньше" - это время "старинны", "старинки", время "единоличества". Любое сравнение идет в пользу тех далеких лет: "И вот если бы до сих пор крестьянина не трогали бы, все было бы по-другому, чем сегодня... Вообще, раньше в селе какая-то другая жизнь была. Жизнь в нем как-то воскресала, когда люди на улице были или в огородах появлялись... Лучше было, чем сейчас-то!.. Сейчас что? - тишина, мрак, никого не видеть... А где пройдет народ - там злятся-ругаются..." - так в начале 1990-х рассуждал 67-летний крестьянин села Лох Саратовской обл.

Наиболее часты сравнения с войной и послевоенным периодом: "Сейчас и говорить нечего. Хуже чем в войну. Сейчас все порушено, все живут замкнуто", "хуже всего крестьянам жилось после войны и сейчас; разруха еще больше ощущается психологически на фоне благополучия последних лет"; "Народ стал какой-то нервный".

На протяжении 1990-х гг. людей угнетает то, что все ориентировано на выживание, а не на спокойную размеренную жизнь; что наступило время, когда приходится надеяться прежде всего (а иногда и исключительно) на себя, тогда как привычка надеяться на государство и коллективное хозяйство сохранилась. Это вносит психологический дискомфорт. Лейтмотив многих рассуждений: "Сейчас каждый сам по себе". "Раньше мы сдали продукцию - у нас голова не болела" - тоже достаточно типичное высказывание. Вызывает растерянность сама возможность выбора, которой раньше не было.

Так - на контрасте с текущими обстоятельствами - к середине 1990-х гг. оформилось представление об эпохе, вызывающей наибольшие симпатии памяти. По народным меморатам и социологическим опросам известно, что в качестве исторического образца память выбирает «мирные и спокойные "брежневские" времена» (но и война при этом не "выносятся за скобки"). Таким образом, народная память - в отличие от памяти власти - оказалась более инертной и не продвинулась вглубь времени. Именно этот период оставил яркий - во многом мифологизированный - след в памяти современных сельчан чувством стабильности, уверенности. С "брежневской" эпохой связаны представления о мирной, спокойной, хорошей жизни. Ведется подсчет реальных материальных и морально-психологических потерь, связанных прежде всего с "эпохой Ельцина".

Характерна оценка современной ситуации как нарушения общего строя жизни, при котором беспорядку противостоит порядок. Но порядок понимается по-разному. Для одних это старинный порядок, полнота жизни, а его утрата, потеря крестьянских чести и достоинства связывается с разрушением полноты жизненного бытия (достатка) и его упрощением (прежде всего в коллективизацию). Для других это порядок управления людьми, но тоже понимаемый по-разному. Сравним высказывания. Одно принадлежит сельской жительнице Тверской области (1940 год рождения, на момент опроса - старше 50 лет); второе - тамбовскому селянину (1922 год рождения), третье - жителю поволжского села (1914 год рождения): "А жизнь была очень интересная. Мы живем, как отживаем: работа - дом - работа; слава богу, если дома — порядок. А у них у всех был дома порядок"; "Думают сверху, что все само будет делаться. Нет. Так с нашим мужиком нельзя. Не будут грамотно командовать, ничего не получится"; «...Этот мужик (о бывшем председателе колхоза - И.К.) был настоящий хозяин.

Мог организовать хозяйство! ...Долго председателем был, ...даже ходил по домам: "Иди на работу, мол!..." Залезешь под кровать, он тебя из-под кровати вытащит. Да... он такой был. Смелый человек был. Знающий, как к кому подойти и как дело сделать. Молодец был, молодец!»

Социологические опросы последних лет свидетельствуют о возрастании авторитета Сталина, прежде всего у представителей старшего поколения и сельского населения. "Брежневский период" ассоциируется с такими понятиями, как "социальная защищенность", "жизнерадостность", "доверие между людьми"; "сталинский" - "дисциплина и порядок" [20].

По контрасту прежнее время видится бесконфликтным; существует представление, что некогда существовала утерянная ныне справедливость, что хотя люди жили по-разному, раньше резких границ не было, сейчас они очень заметны; осуждается "торгашеский" принцип, на котором строится современная жизнь. Отношения с властью оцениваются в терминах большой патриархальной семьи: "Раньше доярок почитали, и если хоть раз ни за что обидели, можно было пожаловаться куда-то"; "если при коммунистах можно было пожаловаться на того или иного чиновника, то теперь жаловаться некому".

Мнение, что "при Брежневе еще вздохнули, воспрянули", стало формироваться уже в конце 1980-х годов, когда "перестройка" начала "буксовать". А затем представление, что "при Брежневе жили как при коммунизме, но лишь сейчас поняли это, а хуже всего сейчас", стало преобладающим. Разные поколения оценивают "брежневскую эпоху" позитивно, а вот критерии сравнения разных исторических периодов на фоне "брежневского" - различны. Восемидесятилетняя жительница села Покрово-Марфино Тамбовской обл. вспоминала в начале 1990-х г. прожитое время сквозь призму давления власти и фискальных обязательств двора. В "сталинский период" налоги были столь велики, что фактически жили, чтобы уплатить их. В "хрущевский" период остался налог на землю, и тот значительно меньше. А "брежневский период" отличается как "золотой", т.к. остался налог на землю и все: "в магазинах было все. Не сразу, но все же можно было купить. А сейчас?" Ее шестидесятилетней землячке сельская история памятна тем же: "После войны - одна жестокость была. Он, конечно, совершенно правильно делал, он города восстанавливал. Закон у него (Сталина) все ж был резко хороший. Счас распустили беззаконию, и остались на мели. Налоги сами носили и приходили... Голодовали сами, а платили... в 1961 году деньги сменились, тут стало легче. Налоги те же, но легче платить. Его меньше стало. А при Брежневе тут мы уж не платили, вот за сотку 80 копеек и все. Ну и страховку, самообложение. Это мы платили. Заставляют, но мы как-то без этого нельзя, как-то я уж отдам, но я в надежи... С Горбачевым стало не легче, а еще тяжелее. Налоги те же - 80 копеек за сотку, но в магазинах нет ничего!" Сорокалетний житель д. Уткино Вологодской обл. так сравнивал разные периоды сельской повседневности: "Помню, конечно, как жили во времена Хрущева, но не настолько ясно, чтобы рассказать по порядку, а так: стояли очень долго в очереди за хлебом, в каких годах - не помню; в совхозе сеяли кукурузу, но она у нас не росла... Во время власти Брежнева много у нас в магазинах что появилось - конфеты разные, даже финики и орехи привозили, рыбы было много всякой... А в последние годы - годы перестройки - хоть зубы клади на полки, все - по талонам, да и те не знаешь, как отovarить... А про нынешнюю жизнь и говорить не хочется, ну это же трудно представить, да никто и помыслить не мог, что будут такие цены".

Сельские жители ценят относительное материальное благополучие: "при Брежневе зарплата была человеческая, и мясо лежало, и колбаса, и импорт", "все стоило копейки и было доступно". Как видно, их уровень притязаний невысок и зачастую не идет дальше "было бы во что детей одеть и отложить на черный день", "при социализме о куске хлеба не беспокоились".

Понятие "хорошей жизни" в крестьянском сознании всегда ассоциируется с сытой жизнью. Вообще тема еды и голода - одна из самых устойчивых составляющих на-

родной памяти. Действительно, голодных, трагических страниц в российской истории прошлого столетия было немало. В наши дни происходит расширение границ бедности, особенно на селе. Но речь о другом. Как видно из высказываний селян, представления на уровне "сытно-голодно" уже не сводятся исключительно к понятиям "хлеб-бесхлебье". Символом прошлой благополучной советской жизни является вовсе не хлеб. Это - колбаса, которая всегда представлялась деревенским жителям не просто признаком сытости и довольства, но элементом городской жизни, к которой они тем самым были приобщены. "Колбаса по 2.20" неоднократно появляется на страницах семейных историй и в интервью с сельскими жителями, когда речь заходит о нынешнем времени. В письмах из российских сел и деревень в Госдуму читаем: "Вот так живет колхозник: есть - едим, нет - глядим, а раньше кто ел и жил, тот и сейчас ест колбасы"; "у меня дети даже не помнят, когда я последний раз колбасу покупала". Невозможность купить колбасу - за этим кроется нечто большее, чем только нехватка денег (денег в настоящее время нехватает на покупку многого), это разрыв налаженных связей "город-село", это крушение привычного образа жизни. Еще вспоминаются всевозможные сладости, отсутствие возможности порадовать детей. Пожалуй, именно "колбаса" и "конфеты", наряду с такими понятиями, как "спокойствие", "уверенность" вызывают ностальгическое чувство по отношению к 1970-м. Таким образом, ностальгия деревни по "семидесятым" - это ощущение потери жизни, в которой она была максимально приближена к городу, а вовсе не отдалена от него как "Беловодье" и "Муравия". Ее можно назвать и ностальгией потребления. На подобной ностальгии пытается играть реклама. При этом интересно, что для рекламы "тушенки" и "сгущенки" от "Главпродукта" на "Радио России" в 2001 г. использовались другие образы той эпохи, в частности, очереди за дефицитом. Но они были обыграны в рекламе таким образом, что несли в себе позитивный момент.

Государственная поддержка села того периода и признание социальной значимости работника сельского хозяйства воспринимается крестьянами как долгожданная и справедливая компенсация за ту "дань", которую деревня платила за модернизацию страны. Подобная идентификация, совпадавшая с самоидентификацией, примиряла крестьян с условиями административно-командной колхозно-совхозной системы (не стоит забывать, что именно на середину 1970-х г. приходится такое важное событие, как право получения паспортов жителями деревни, что, впрочем, усилило миграцию в города). Считается, что в эти годы между селом и властью был достигнут своеобразный компромисс, который следующим образом характеризуется на уровне универсальном: "В семидесятые годы дали свободу крестьянину, возможность работать на себя и на государство", и на уровне "обыденном": "Разрешено и другого поросеночка держать, и в совхозе зарплату получать"; "Зажили мы при Брежневе. Быстро все тут поднялось.... И в магазинах все было, и домашнее хозяйство помогало"; "при Брежневе хоть и хапали, да нам давали". В действительности, как показывают исследования, "зазор" между реальностью и желаниями в те годы был более велик, чем представляется сейчас.

С началом реформ сравнительно налаженная система отношений "государство-крестьянство" начала рушиться. Для крестьян же всегда важно иметь связующее звено в своих отношениях с некрестьянским миром. Некогда посредническую миссию выполняла община, а затем - колхоз. За многие годы коллективные хозяйства стали для нескольких поколений крестьян образом их жизнедеятельности, традицией совместного преодоления трудностей. Наиболее последовательно представления об этом выражены Н. Горбовой, председателем одного из коллективных сельхозпредприятий Брянской области: "Упасть на землю и сохранить наши корни, нашу бытовую культуру. Только в деревне еще сохраняется ее многовековой пласт. Только там не идут реформы этих горе-реформаторов. Потому что это противоречит нашей душе, нашему самосознанию. Потому и говорим: не идут реформы на селе и не пойдут, потому что они идут вразрез с нашим пониманием жизни" [21].

Социальная память на исторической развилке

Рыночные реформы оказали неоднозначное влияние на ситуацию в аграрном секторе, более отчетливым стало выделение лидеров и аутсайдеров, сильных и слабых, выигравших и проигравших на уровне регионов, хозяйств, семей. В современных исследованиях выделяются: основные типы социально-экономических укладов (крестьянско-потребительский как наиболее массовый, крестьянско-товарный - второй по массовости и предпринимательно-товарный — самый динамичный) [22]; относительно целостные мировоззрения сельских производителей (консервативно-государственное; либерально-рыночное; социально-государственное - как самое массовое) [23]; различные способы адаптационного поведения (добровольная и вынужденная, активная и пассивная адаптация; асцендизация, парцелляция, социализация) [24]. В Центральной России меньше тяготения к индивидуальным формам хозяйствования, больше стремление к коллективным формам, заметнее выражено сохранение элементов прошлого; на юге России сильнее имущественная и социальная дифференциация.

Для выделенных типов характерно и специфическое восприятие прошлого, собственная память. Вместе с тем, не всегда ее границы явны и отчетливы. Так, память об "эпохе развитого социализма" (а зачастую и о более ранних исторических периодах) оказывается наиболее сильным пластом по крайней мере для двух - самых многочисленных - типов мировоззрения и укладов. Вообще памяти свойственна амбивалентность. В одном случае она "работает" фактически на раскрестьянивание: например, в исследованиях по сельской России обращается внимание на то, что вернуться в качестве наемного работника к регулярному получению денежного заработка - мечта основной массы селян. С этим связана и традиция хозяйствования по типу крупного предприятия. В другом - на окрестьянивание, предполагающая сохранение самостоятельного крестьянского двора, иных возможностей его взаимодействия с другими дворами в составе сельской общности. Вместе с тем, исследователи обращают внимание на слабую дифференцированность общественного мнения сельского населения, на то, что установки и принципиальные ориентиры сельской элиты не отличаются от основной массы населения [25].

Поднимается болезненный для сельской общности вопрос о собственности на землю и возможности включения ее в рыночный оборот [26]. И именно в нем проявляются симптомы кризиса общинного сознания.

Исследования рубежа 1990-х-2000-х г. обращают внимание на стабилизацию ситуации в деревне, характеризуя ее по-разному - от "стабилизации переходности" до "стабилизации застойности". В поведенческом плане память апеллирует не только к глубинному историческому *опыту выживания*, но все более - к разнообразному *опыту адаптации и коллективной солидарности* (при том, что действует вектор на разобщенность), выстраиванию разнообразных "сетей поддержки" в условиях социальной дифференциации села [27]. При этом от власти ждут шагов навстречу. Для одних исключительное значение имеют формальные институты, прежде всего, государство. Отсюда - представления, изобилующие глаголами "вернуть", "сделать, чтобы все встало на свое место, как раньше", "дать", "снизить цены", "дайте работу, заработок стабильный". В этом ряду находится и склонность винить в своих проблемах внешние обстоятельства. Вообще большинству сельских жителей (независимо от ранга) свойственны представления, что решение проблем сельского хозяйства лежит вне деревни. Других иждивенчество не устраивает. Установка - "не мешать хозяйствовать" - сродни той, которая была характерна для предков нынешних работников на земле.

Существует еще одно важное обстоятельство. Кубанская станичница, касаясь ситуации в крупном хозяйстве, высказала мысль, которая, по сути, является ключевой для понимания крестьянства и народной памяти в целом: "Мы ведь ко всему в деревне готовы!" Впрочем, с ней перекликается другая: "Фермеры - такая человеческая порода, которая выживет в любых условиях". Возможно, такая позиция сродни убеждению "до сих пор все ждут, что будет еще хуже. Так оно на самом деле и есть". Но одно-

временно это и важное, идущее от существования на границе природного и социального умение "проживания жизни". В нем заключен прагматический элемент памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000; *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. №5.
2. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х-90-е годы XX столетия). Под ред. *Е.С. Строева*. М., 2001.
3. *Казарезов В.* Фермеры России. Очерки становления. Т. 1-2. М., 2000.
4. *Воронков В.М.* В развитие дискуссии о стабильности // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М., 2003.
5. *Бондаренко Л.В.* Российское село в эпоху перемен. М., 2003; *Великий П.П.* Сельская действительность (социологический ракурс) // Социолог, исслед. 1996. № 10; *Широкалова Г.С.* Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов // Социолог, исслед. 2002. № 2.
6. *Виноградский В.Т.* Российский крестьянский двор: эволюция повседневного существования // Волга. 1995. № 2/3, 4, 7, 10; Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. *Е.М. Ковалев*. М., 1996.
7. *Великий П.П.* Сельская действительность (социологический ракурс) // Социолог, исслед. 1996. № 10; *Клопыжникова Н.М.* Современная аграрная реформа и настроения крестьянства // Свободная мысль. 1995. № 5; *Орлов Г.М., Уваров В.И.* Село и российские реформы // Социолог, исслед. 1997. № 5.
8. *Силласте Г.Г.* Сельское учительство: образ жизни и адаптационный ресурс // Социолог, исслед. 2002. № 9.
9. *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1921. С. 8-15.
10. *Афанасьева А.И.* Исторический процесс и смена поколений // В кн.: Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973.
11. Социология власти. 2001. № 5-6; 2003. № 2.
12. *Штейнберг Илья.* Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. №1.
13. *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.
14. См. подробнее: *Кознова И.Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
15. *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991-2001 гг. М., 2003.
16. *Штейнберг И.Е.* Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской семьи // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования / Под ред. *И. Олимпиаевой и О. Паченкова*. СПб., 2003.
17. Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. *Т. Шанина*. М., 1999.
18. Отечественные записки. 2004. № 1. С. 453 (исследования *Т.Г. Нефедовой*).
19. Социология власти. 2000. № 5-6; 2003. № 2.
20. См.: *Дубин Б.* Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 1; Социология власти. 2000. № 1-2.
21. Земля и власть. Сборник материалов по актуальным вопросам аграрной политики. М., 1998.
22. *Никольский С.А.* Аграрный курс России. М., 2003.
23. *Никулин А.М.* Социальное самочувствие сельских жителей Кубани (анализ переписки с Г. Явлинским) // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999.
24. *Лылова О.В.* Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социолог, исслед. 2003. № 9; *Родионова Галина.* Приватизация земли: выжить или преуспеть? // Отечественные записки. 2004. № 1.
25. *Гудков Л., Дубин Б.* Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6.
26. Земельный вопрос. Под общ. ред. *Е.С. Строева*. М., 1999.
27. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований России. Под ред. *Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова*. М., 2002.